

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ О РЕЛИГИОЗНОМ СМЫСЛЕ ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА

Чернова Галина Сергеевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В работе рассматриваются позиции Ф.М. Достоевского в журнальных дискуссиях об искусстве 1860-х гг. Отмечается не только эстетическая, но и идеологическая их обусловленность. Анализируется смысл трактовок писателем категорий «трагическое», «катарсис», «народность». Доказывается актуальность его выводов о значении для искусства высокого этико-эстетического идеала.

Острые журнальные полемики 1860-х гг., в которых решался «вопрос об искусстве», имели не только эстетическое, но и идеологическое значение. В русской критике эти споры отражали философские и общественно-политические взгляды представителей различных «литературных партий». Ф.М. Достоевский считал себя независимым «ни от одного из существующих направлений». Но, обсуждая те или иные эстетические вопросы, он доказывал, что человек не может жить без высшего нравственного образца, показать который обязан в своих произведениях каждый художник. В 1861 г. была опубликована статья Н.А. Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья», посвященная «Народным рассказам» М. Вовчка (М. Маркович). Эта публикация ведущего критика «Современника» послужила Достоевскому поводом высказать свое мнение о значении для искусства этико-эстетического идеала.

Анализ статьи Достоевского «Г-н ...бов и вопрос об искусстве» (1861) дает основание утверждать, что она была адресована не только Добролюбову, но и Н.Г. Чернышевскому. Достоевский оспаривал основное положение теоретического трактата «Эстетическое отношение искусства к действительности», автор которого утверждал, что «прекрасное есть жизнь», а потому оно имеет земные корни. По Достоевскому, прекрасное – это Вечная Красота, недостижимая гармония красоты и нравственности. Но относительны, историчны, формы ее выражения. «<...> Искусство никогда не оставляло человека, всегда отвечало его потребностям, его идеалу, всегда помогало ему в отыскании этого идеала – рождалось с человеком, развивалось с его исторической жизнью и умирало вместе с исторической жизнью», – подчеркивал автор статьи [1, Т. 18, с. 101].

Писатель не использовал термины «этика»-«эстетика». В своих рассуждениях он употреблял понятия «идеал»-«красота». Полемизируя с Добролюбовым и другими критиками-демократами, готовыми во имя «тенденции» «разрушить эстетику» (Д.И. Писарев), Достоевский заявил: «Красота <...> воплощает человеку и человечеству его идеалы» [1, Т. 18, с. 94]. Позже устами одной из героинь романа «Идиот» он провозгласит: «Красота спасет мир». Но в записных тетрадях 1867 г. обнаруживается продолжение этой, ставшей знаменитой, фразы: «Красота спасет мир... Два вида красоты» [1, Т. 10, с. 412]. Абсолютной, с точки зрения Достоевского, является «этическая красота», неразрывно связанная с «красотой эстетической». «Идеал, разумеется, Христос. Но человеку нужно встретить и распознать идеал и в реальной жизни», – писал он. В своих статьях об искусстве Достоевский неоднократно подчеркивал, что именно идея христианская определяет гуманистический и демократический пафос художественных произведений. В этом смысле он понимал вечность идеала, ориентируясь на который следует оценивать их содержание и форму.

Себя, как известно, Достоевский называл писателем «текущей действительности», которую характеризовал как «трагическую», «разорванную», «хаотическую». При этом он заметил в одном из писем к И.А. Гончарову, что «нельзя оставлять читателя при одной только грязи текущего». Достоевский не раз подчеркивал, что трагическое в искусстве объективно обусловлено. При этом понятие «катарсис» он определял в традициях И. Канта как «суд совести, прогремевший из сердца», как результат борьбы человека не только с внешними обстоятельствами, но и с самим собой, с его внутренним выбором добра или зла. Соответственно нравственное очищение писатель связывал с религиозным возрождением личности, т. е. обретением Христа. Этическую установку, исходя из которой Достоевский анализировал литературные явления, сформулировал С.Н. Булгаков: «Для него [Достоевского. – Г.Ч.] есть только одна правда жизни, одна истина – Христос, а потому и одна трагедия – не вообще религиозная, но именно христианская» [2, Т. 2, с. 501]. В этой связи интерес представляют суждения Достоевского о «Египетских ночах» А.С. Пушкина в статье «Ответ "Русскому вестнику"» (1861). Полная нравственная деградация – вот суть трагической вины личности и бездуховного общества, которое представляет Клеопатра. Соответствующее значение приобретает катарсис: «<...> вам становится понятно, к каким людям приходил тогда наш Божественный искупитель. Вам понятно становится и слово – Искупитель» [1, Т. 19, с. 137]. Нельзя не признать, что на такой уровень оценки произведения великого поэта в современной Достоевскому критике не поднимался никто.

Если принять во внимание эτικο-эстетический идеал Достоевского, то можно объяснить необычную для критики 1860-х гг. характеристику Базарова, героя романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». С точки зрения автора статьи «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), трагическая вина тургеневского героя состояла в том, что этот «демократ до конца дней» не смог слиться с народом и принять его идеал Христа. Принципы оценки писателем литературных явлений подробно проанализированы в работе «Ф.М. Достоевский – литературный критик» [3].

В статье «Г-н ...бов и вопрос об искусстве» Достоевский поднял вопрос, который в русской критике никогда не утрачивал актуальность: смысл понятия «народность». «<...> Г-н ...бов – теоретик, иногда даже мечтатель и во многих случаях плохо знает действительность; нагибает ее в ту и другую сторону, как захочет», – писал Достоевский [1?. Т. 18, с. 81]. Его упрек Добролюбову основывался на ином, чем у критика-демократа представлении о народности. В статье «Книжность и грамотность» (1861) Достоевский заметил, что народность складывается из «политических, общественных, религиозных убеждений народа». Но «почему, с какой стати народность может принадлежать только простонародности? <...> Разве мы, образованные, уж и не русский народ?» – задавал он резонный вопрос [1, Т. 19, с. 14]. Писатель подходил к решению проблемы народности не с классовых, как Добролюбов, а национально-этических позиций. При этом Достоевскому хотелось верить в «бессознательную и чрезвычайную стойкость народа в своей идее, сильный и чуткий отпор всему, что ей противоречит, и вековечную, благодатную, ничем не смущаемую веру в справедливость и правду» [1, Т. 19, с. 18]. Легко понять, что имел в виду автор этих строк: идея – это «общечеловечность», «отпор» – нигилистическим западным веяниям, «вера» – в правду Христа. Так что понятие народности и у Достоевского тоже имело идеологический смысл, только в отличие от демократа Добролюбова, оно было религиозно обусловлено.

Оценивая суждения Достоевского об искусстве, необходимо учитывать, что частую они определялись конкретными обстоятельствами литературной борьбы и полемическими задачами. Но уроки автора «Идиота» и «Братьев Карамазовых», ориентировавшего писателей и читателей на абсолютный эτικο-эстетический идеал Добра и Красоты, оказываются весьма актуальными для искусства XXI столетия.

Литература

1. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский – Ленинград : Наука, 1972. – 1989.
2. Булгаков, С. Н. Русская трагедия / С. Н. Булгаков // Сочинения: в 2 т. – Москва : Наука, 1993. – Т. 2. – С. 499–527.
3. Чернова, Г. С. Ф. М. Достоевский – литературный критик / Г. С. Чернова / Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2001. – № 4 (10). – С.123–130.